Демонические псы. Нориэль помнил, какой ужас они у него вызвали много лет назад. Его первый день нахождения в другом мире встретил его не только рассветом и самоуверенным варваром, но и созданиями, по причине которых они в принципе познакомились с Маликом.

И вот, они вновь встретились. Также, как и много лет назад. Ну, или нет.

Точнее, совсем нет.

Ну вот совершенно точно совсем нет.

Во-первых, на самом деле они не «встретились», а на тварей из нижних миров целенаправленно вышли; во-вторых, на этот раз борющейся за свою жизнь добычей были совсем не двуногие. В любом случае, за вычетом «маленьких», незначительных деталей — всё было в точности также, как и в прошлый раз!

Псы не могли скрыться. Запах гари и чёрное марево было для их антипода самым настоящим ярко светившимся в ночной тьме маяком. Они бежали что есть сил, скулили так громко, что напоминали маленьких щенков, за которыми гнался опасный зверь. Могли ли испытывать ужас твари из нижних миров? Мог ли хоть кто-то когда-то представить себе, что твари, пришедшие из места, которое пропитало сами их души запахом гари, окажутся добычей?

Нориэль давно перестал быть простым «дитём леса». Скорее, он всё больше напоминал короля, который устроил охоту на личной территории. Сафари. Абсолютно бесшумный, безумно быстрый, нечеловечески ловкий и сильный, молодой эльф мелькал между деревьев, загоняя пытавшихся скрыться тварей, словно настоящий хищник. Фигуры демонических созданий и Нориэля мелькали меж деревьев, и, существуй сторонний наблюдатель, любой бы мог сказать, что охотник постепенно…

Нет, не нагонял жертв, а загонял их. Истощал постоянным преследованием, играясь с ними, как кошка с мышкой.

Твари не знали, кто на них охотился. Не могли его почувствовать, как бы ни старались. Единственное, что они могли делать — бежать, бежать, бежать. Лишь для того, чтобы в один момент очередное дерево превращалось в шипастое нечто, пронзая их тела, но так, чтобы они, судорожно дёргаясь, вырывались, получая ещё больше ран, чтобы вновь пуститься в бега и вновь наткнуться на новую ловушку.

Практический самый обычный лес стал настоящим воплощением кошмара, где любой цветок мог превратиться ядовитую ловушку, любое дерево могло обрасти шипами, а любая травинка обратиться в странное подобие лианы, замедляя и забирая последнюю надежду на побег.

И словно всего этого ужаса мало, присутствовало музыкальное сопровождение! Со всех сторон, буквально отовсюду разносилась игра на флейте. Быстрая, весёлая, словно преследователь хотел поздравить их с каким-то праздником, про который они ещё просто не знали. Живая игра на флейте, которую верные друзья выросшего дитя Леса разносили на многие километры, каким-то образом превратилась в гимн смерти.

Пожалуй, увидь один варвар то, в кого превращался ранее мягкий, наивный подросток, и громко бы засмеялся.

Вероятно, его слова по поводу того, что Нориэль был хищником, правдой в полном понимании этого слова не были, но, кажется, и ложью — тоже.

К счастью или сожалению, ни одна охота не могла продолжаться вечно. В какой-то момент три демонических пса, полностью покрытые рваными ранами, не смогли больше бежать. Тяжело дыша, не осознающие степень своей ошибки создания попытались укрыться в так удачно встреченной пещере, и не догадываясь, что всё это время их в неё и вели.

Нориэль остановился у входа в своё логово, довольно улыбнувшись.

— Отличный материал.

На нём не было ни единой пылинки или ссадины. Пробежав десятки километров, перерождённый дух даже не запыхался. Тяжело запыхаться, когда тебе даже толком напрягаться не нужно: его верные друзья несли его по лесу с такой скоростью, что это могло показаться для кого-то полётом.

Нынешний Нориэль и сам мог бы легко подавить демонических псов. А он, стоило напомнить, сам по себе никогда не был, верные друзья не покидали его ни на миг. У тварей не было ни единого шанса изначально.

Духи природы знали намерения молодого эльфа, тут же отправившись в пещеру. Из пещеры раздался отчаянный вой тварей, что вскоре затих.

Нориэль довольно кивнул.

Начав напевать себе что-то мягким, мелодичным голосом под нос, парень беззаботно направился в пещеру.

Шёл второй год его нахождения в лесу, или же триста тридцать пятый год с того момента, как он заключил сделку с лесным миражом. Или же — триста тридцать пятый год от Великого Объединения, что устроил Малик.

Время потихоньку шло.

***

Молодому эльфу не потребовалось много времени, чтобы досконально изучить накопленные его вторым другом знания. На самом деле, он в самые рекордные сроки полностью осознал и освоил ту базу, что создал Малик, основываясь на личных наблюдениях и, судя по всему, частых экспериментах.

Как предполагал Малик, чудотворцы имели четыре базовые, самые распространённые стихийные предрасположенности — земля, вода, воздух и огонь.

Нориэлю это открытие казалось очень забавным. Он видел и взаимодействовал с духами. Подавляющее большинство относилось как раз таки к этим четырём явлениям, воплощая собой, пожалуй, чуть ли не самые распространённые явления в наблюдаемом мире.

Что было и так известно — способности, в большинстве своём, наследовались, но существовали и исключения, причём — много. На предрасположенность будущего чудотворца влияло безумно много вещей, где лидирующей пусть и была наследственность, практически со стопроцентной вероятностью определяя будущую силу счастливого обладателя чуда, оставалось всё равно ещё много вещей, которые могли изменить дальнейший оттенок и

направленность силы. Начиная от банальной случайности, которая напрочь рушила всю собранную статистику и которую Малик (да и Нориэль) не могли объяснить, заканчивая оттенком энергии, который мог на них влиять на протяжении достаточного количества времени. Впрочем, последний вариант был скорее редким исключением, чем правилом. Нориэль быстро пришёл к выводу, что повлиять на чужой дар было намного тяжелее, чем могло показаться на первый взгляд.

Кроме базового «стихийного чуда» Малик вычленил отдельную категорию людей, которые обладали более уникальными способностями. Будь то сам Нориэль, Малик или род Слушающих Духов — каждый из них обладал намного более уникальной, отличной от большинства энергией. Причём, Малик в этом плане выделялся ещё больше, ибо его энергия была подвержена пагубному влиянию дряни, что он по глупости в молодости ел, из-за чего представлял собой совсем что-то непонятное и, чего уж говорить, страшное.

Что забавно, Нориэль пересечение с духами видел даже здесь: они тоже могли быть далеко не только стихийными, но и воплощать собой более отдельно взятые явления. Так, базовые стихии были частью природы и в какой-то степени какого-нибудь духа ветра можно было бы назвать духом природы, но, в чём был уверен молодой эльф, это было бы ошибкой, и ещё большей ошибкой было бы назвать духа природы — духом ветра.

Потому что силы природы были более разноплановыми, пусть и не включали в себя тот же огонь, который выделил Малик.

Духи и чудотворцы имели разный вид сил, но вместе с этим имели и много общего. Молодой эльф в принципе стал, погрузившись в более глубокое изучение чуда, замечать в мире множество закономерностей и пересечений, которые по-настоящему будоражили сознание поглощённого чудом перерождённого духа.

Он чувствовал, что занимался тем, чем ему действительно нравилось заниматься. По-настоящему ощутил себя в своей тарелке, и это ощущение было настолько комфортным, что его хорошее настроение превращались в спонтанные игры на флейте. Молодой эльф в принципе стал играть намного чаще: больше трёх сотен лет игры не могли пройти бесследно. Парень всё ещё мог медитировать обычным способом, но он практически перестал естественным образом поглощать и отдавать энергию, превратив процесс медитации в игру на флейте. Отныне каждая его игра была ещё и медитацией, притом — безумно эффективной, как насыщавшей тело парня, так и расслабляющей сознание. Намного более эффективной, чем мог предположить тот же варвар, откровенно насмехавшийся над медитациями и теми, кто этим занимался.

Узнай он, что возможно продвинуться в чём-то настолько эфемерном и, казалось бы, бесперспективном, и руку бы отдал за это знание. К сожалению, у него не была в запасе нескольких сотен лет практики.

Больше источник молодого эльфа не был настолько статичным. Чудо Нориэля по маленькой капельке стало расти. И пусть скорость роста, на фоне скорости развития, кажется, любого человеческого чудотворца, не говоря уже про Малика, была просто смешной, это всё равно был гигантский прогресс.

— Маленький шаг для человека и большой шаг для эльфа, — пробормотал после очередной игры на флейте Нориэль, после чего, немного посидев, громко рассмеялся, чем удивил не только себя, но и духов.

По какой-то причине, это выражение показалось ему очень забавным.

На второй же год нахождения в лесу молодой эльф пришёл к тому, что ему нужно было начать проверять идеи, к которым он приходил тем или иным образом. И если первые практические эксперименты можно было ещё проводить на себе, да на любопытных духах, которым и самим было интересно подтвердить или опровергнуть мысль молодого (ну, в каком-то смысле) исследователя, то, когда настал черёд уже настоящих, более… углублённых исследований, перерождённый дух поймал себя на мысли, что стал присматриваться к отдыхавшим на дереве птичкам, да резвящимся в озёрах духах.

Стоило понимать, что одних уже мягких экспериментов с воздействием на марево хватило, чтобы прийти к идее сокрытия столь вроде бы заметной, а вроде бы и совершенно незаметной, эфемерной части существования. Как быстро показала практика, и так незаметный молодой эльф, умудрившись размыть своё марево в окружающем пространстве с помощью энергетики всё тех же духов, воплощавших природу, окончательно перестал ощущаться в окружающем пространстве. Так, словно он вновь в полной мере стал духом, который существовал где-то далеко за пределами физического мира.

Наблюдения и, что особенно важно, эксперименты были просто необходимы.

Увидь нынешнего Нориэля ещё Нориэль, лениво отдыхавший на дереве в Лесу, и был бы в ужасе от того, насколько сильно он изменится за жалкие…

Сколько-то там сотен лет?..

К счастью или сожалению, перерождённый дух так и не решился на то, чтобы начать отлавливать тех, кто не был агрессивно к нему настроен. Молодому эльфу претила сама мысль о том, чтобы вредить тому, кто не желал ему вреда. Малик оставил на молодом эльфе довольно сильный психологический след; парню уже с головой хватило всех тех охот на существ, которые и не планировали нападать на него. Он больше не хотел испытывать таких противоречий, и поэтому задумался над тем, как…

Скажем так, договориться с собой. Пробудившаяся исследовательская жилка на пару со ставшим порядком более холодным мышлением требовали то, на чём можно было бы экспериментировать, когда внутренняя сущность била тревогу, предупреждая излишне увлекшегося парня о том, что он стал двигаться куда-то… если и не по наклонной, то — вбок.

Как можно понять, Нориэль нашёл лучший из возможных вариантов. Буквально естественное отвращение к тварям из нижних миров, умноженное на, мягко говоря, печальный опыт с Маликом, создавали из поглощённого чудом миролюбивого молодого эльфа нечто уникальное и…

Наверное, местами пугающее.

Время продолжало идти. Дни сменялись для молодого эльфа безумно быстро, и лишь сменяющаяся пора года помогала перерождённому духу вновь не забыться во времени. Нориэль в своём неспешном темпе исследовал лес, параллельно наполняя его своей игрой на флейте. Для кого-то — прекрасной и волшебной. Для кого-то же — абсолютно ужасной, пробирающей до глубины души.

И, естественно, молодой эльф и сам понимал, как сильно менялся.

Порой парень, сидя на дереве и наблюдая за восходившим рассветом, стал задумываться над

тем, во что он, поддавшись чуду, превращался. Нориэль всё больше концентрировался в первую очередь на собственном эго, став относиться к чужому ощутимо прохладнее.

И так получалось, что…

Его всё полностью устраивало.

— Кажется, надо мной смеялись бы и Малик, и Старейшина, — криво ухмыльнулся молодой эльф.

Или, возможно, им было бы не до смеха?..

Незаметно очередная зима прошла и наступила весна. Весна, которая, как оно бывает, вновь изменила все возможные планы и наметки.

Новая судьбоносная встреча не заставила себя, будь она проклята, ждать.

http://tl.rulate.ru/book/94178/3296814